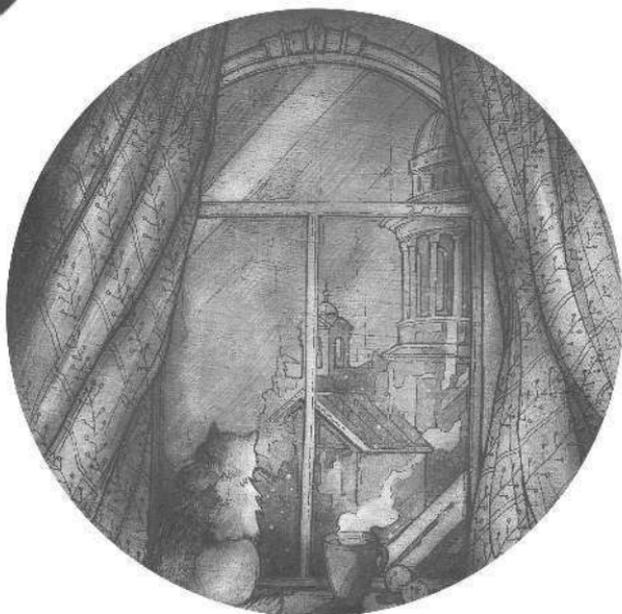


— первая среди лучших —



ТАТЬЯНА *Устинова*



Настоящее



МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Дизайн обложки *А. Харитоновой*
Под редакцией *О. Рубис*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Настоящее : сборник рассказов / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-107722-8

«Я пишу истории о любви, которая сама по себе и есть окончательная награда, если она не больная, не бешеная, не выматывающая душу. Иногда я придумываю к ней красивые декорации — дома, машины, лужайки, а иногда и декораций никаких не придумываю, полным-полно историй, где герои живут в панельных домах и работают, скажем, в больнице!.. Это вам так горяча кажется, что все они про золушек. Ничего подобного».

Татьяна Устинова

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107722-8

© Устинова Т.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

— Нормально, а ты как?

— И я нормально.

— А зачем ты к нам?..

— По делам. А ты все здесь?..

— А где же мне еще быть?..

— Да мало ли где...

— Нет, я здесь. Меня повысили, так что...

Про повышение было сказано не без умысла.

Умысел пропал втуне. Он не обратил внимания. Он никогда не обращал внимания на такие вещи.

Она с головой нырнула в сумку — за пропуском. А на самом деле чтобы не таращиться на него во все глаза.

Он придержал перед ней дверь — чтобы она не стукнулась в нее лбом. А на самом деле чтобы не рассматривать ее так уж откровенно!..

В вестибюле стало еще хуже, чем на тротуаре.

Во-первых, потому что голоса разносились по всему огромному и тихому помещению, отдавались от мраморной плитки. Во-вторых, здесь никого не было, кроме охранников за конторкой и нескольких опоздавших, маявшихся возле стеклянной коробки скоростного лифта.

Лёка вынырнула из сумки. Пропуск зажат в руке, и вид растерянный.

Он вдруг рассердился из-за этого ее растерянного вида. В конце концов, столько лет прошло!.. И ничего же не происходит. Он не собирается немедленно тащить ее... в «свою пещеру», и вообще никуда тащить ее не собирается!

Он рассердился и немедленно сказал глупость:

— Ну, пока! До свидания.

Она кивнула, он повернулся, и вдвоем они двинули к лифтам — «путь наверх» здесь был только один, общий для всех.

В полном молчании, плечом к плечу, они подошли к раздвижным дверям и стали.

— Здравсте, Елена Сергеевна.

— Добрый день, Слава.

— Можно я к вам зайду после совещания?
У меня вопрос.

— Да, конечно.

Слава стрельнул глазами в ее спутника, будто оценил, сделал странный жест, нечто среднее между кивком и поклоном, и отвернулся.

Хорошо, что половина сотрудников новенькие, подумала Лёка. Никто ничего помнить не может.

Хотя и помнить-то нечего!..

— Здравствуйте, Елена Сергеевна! — у нее за плечом негромко сказал тот, перед которым ей было так неловко, и она с изумлением обернулась и посмотрела.

— Мы же здоровались!

— Да мы уж и прощались.

Да. Это точно. Они уже попрощались.

Столько лет прошло, она даже не узнала его там, на улице! Впрочем, она сразу его узнала.

Лифты пришли, как водится, все одновременно, и в просторном хромированном пространстве, увеличенном зеркалами и полировкой, она и он, конечно же, оказались вдвоем.

— Тебе какой?

— Шестой.

Он нажал две кнопки. Она не стала смотреть, какая вторая.

— Как ты живешь, Лёка?

Она улыбнулась храброй, независимой улыбкой.

— Я хорошо. А ты как живешь, Платон?..

Его звали Платон Легран, надо же такому быть!..

Была какая-то невразумительная история про петербургского дедушку-ресторатора, а может, и не дедушку вовсе, а прадедушку или прапрадедушку, оставившего в наследство такую фамилию. Платон никогда подробно не рассказывал, а то, что рассказывал, Лёка слушала вполуха, из вежливости.

Слишком много в последнее время развелось потомков дедушек-рестораторов, дедушек — великих князей, бабушек — балерин Мариинского театра, тетюшек-фрейлин и дядюшек-камергеров.

Все вранье!..

Камергеры, князья и балерины — которых не успели расстрелять — отбыли в Париж, а остальные сгнили на каторге и «вольных поселениях».

Потомок ресторатора посмотрел на нее, усмехнулся загадочно и пожал плечами — видимо, таким образом отвечал на ее вопрос о том, как он живет.

Лифт тренькнул, кабина дрогнула и остановилась.

Вот и поговорили.

— Ну... пока. Да?

— Кофе пить со мной не пойдешь?

Лёка засмеялась.

Если бы прошло триста лет — ну, даже с половиной, — она все равно узнала бы его по этому вопросу. Ни такта, ни деликатности, ни понижения, ничего!

— Не пойду, — сказала она и опять засмеялась, — а тебе что, делать нечего, среди бела дня кофе распивать с... — она поискала слово, не сразу сообразив, как себя поименовать.

С бывшей любовницей? Со старой знакомой? С давней подругой?

— С тобой, — подсказал Платон Легран. Двери лифта бесшумно закрылись, и кабина опять поехала. — Я среди бела дня хочу распивать кофе с тобой. А что тут такого?

— Ничего, — проскрежетала Лёка. Он увез ее на другой этаж!.. — Нет, Платон, у меня дел полно, я и так опоздала!..

Лифт остановился.

— Ну, — спросил ее спутник весело, — теперь на первый двинем?

Лёка посмотрела на него почти с ненавистью.

Господи, она и забыла, какой он... противный. Самоуверенный, упрямый, привычно слушающий — и слышащий! — только себя.

— Точно не пойдешь?

Лифт опять дрогнул, и двери опять сошлись. Он наугад нажал какую-то кнопку, и они поехали.

— Слушай, — сказала Лёка, — я хочу выйти. Выпусти меня, пожалуйста.

— Высадка пассажиров осуществляется только на остановке. Вот сейчас будет остановка, и ты выйдешь.

И она вышла. Оказалось, он привез ее на шестой этаж, собственно, как раз туда, куда надо.

Она кивнула, очень раздраженная, — он знал эту ее манеру кивать, снизу вверх, когда она сердилась или была недовольна, — и, изо всех сил стараясь не коснуться его ничем, ни пальто, ни сумкой, держась очень прямо, вышла из лифта и пошла по сверкающей плитке. Звук ее каблучков отдавался от мраморных стен.

...Почему стены мраморные?.. Как в гробнице или турецкой бане! Ну, на черта здесь мраморные стены?!

Платон знал ответ на этот вопрос: потому что в последнее десятилетие нефть была очень дорогая, вот и вся премудрость! Потому и стены мраморные, и полы мозаичные, и фонтаны на каждом этаже, и «Лексус» у любого мелкого деляги. И ПТУ поэтому же называется «колледж», библиотечный институт «университетом управления культурой», а любая барышня, пишущая в эсэмэске «встретимся в понидельнек», именуется «психолог-консультант».

Еще есть барышни-дизайнеры, барышни — телевизионные ведущие — никогда невозможно узнать, что именно они ведут и, собственно, куда, — есть барышни-продюсеры, барышни-журналистки, барышни — бренд-менеджеры.

Только барышень-крестьянок не осталось ни одной, все повывелись!..

Не ко времени она попалась ему на глаза, его бывшая барышня-начальник!..

Ему нужно было в офис адвоката Астахова, и, неожиданно для себя приехав опять на первый этаж, Платон некоторое время соображал, на каком же этаже этот самый астаховский офис. Сообразив, он опять погрузился в лифт и поехал.

Охранники проводили его изумленными взорами. Мало кто в этом шикарном здании на Поварской просто так развлекал себя катанием на лифте вверх-вниз!.. Платон помахал им рукой — из вредности.

Они не сталкивались... сколько? Года три, наверное! А может, и больше. Впрочем, он всегда плохо помнил имена и даты, особенно такие, с которыми было связано что-то болезненное или неправильное.

Все, связанное с Лёкой, было болезненным и неправильным!

Не все, услужливо подсказала ядовитая и подлая память. Не все, не все!..

А третий четверг ноября? Молодое божоле? Ночь, дорога? Ничего такого ты не помнишь, конечно, но я-то точно знаю, как было, и ты можешь притворяться сколько угодно, лихачить, потряхивать гривой, приглашать ее на кофеек — гадость какая! — но я, твоя память, сейчас все тебе покажу! Хочешь?..

Он не хотел. Ей-богу, он не хотел, но было уже поздно.

Даже в этом слове — «божол» — было что-то Лёкино, веселое, присущее только ей. По край-

ней мере, так ему когда-то казалось. Он не любил вино, и ничего в нем не понимал, и даже слегка гордился этим непониманием. В последнее время все до одного менеджеры средней руки, вчерашние выпускники все того же ПТУ, вдруг напропалую стали разбираться в винах, бриллиантах, марках одежды, в серфингах, дайвингах, флайфишингах, тест-драйвах, хорсингах, урожаях две тысячи пятого года, лакированных ботинках и «парфюмах с феромонами». Платон Легран пополнять собой легион разбирающихся и посвященных не желал решительно, а потому не разбирался и не посвящался.

Лёка его посвятила.

Нет, конечно, он слышал о том, что в третий четверг ноября следует пробовать молодое божоле, то есть красное вино нового урожая, и это вроде бы даже праздник там, где выращивают виноград и делают из него вино, то есть во Франции. К нему, Платону Леграну, этот праздник никакого отношения иметь не мог.

Он не выращивает виноград и не делает из него вино!..

— Ты что?! — сказала ему Лёка, когда он изложил ей все, что думает по поводу божоле, феромонов и лакированных ботинок. — Это же так здорово!

— Я не люблю красное вино. Ты же знаешь, я пью виски, и точка.

— Точка, точка, запятая, — пропела Лёка, подняла ему на лоб очки и быстро поцеловала в губы. Она любила сделать что-нибудь неожидан-

ное. — И твоя кривая рожа тут совершенно неуместна! И красное вино ни при чем!

— Как ни при чем, когда «божол» — это и есть вино?!

— Третий четверг ноября, — торжественно объявила Лёка, — это предчувствие праздника, понимаешь? Это красные рождественские цветы, которые ставят на стол, чтобы праздник уже поскорее приходил! Это свечи, белая скатерть, горячее мясо и молодое вино в пузатом стакане! Это значит, что год на исходе и что времени осталось всего ничего, только доделать дела, подвести итоги, в последний раз собраться с мыслями перед Новым годом! Ты же не знаешь, что там, впереди! — И она длинно присвистнула. — За далью даль!..

— Ты что, — спросил Платон, прищурившись, — романтическая особа?..

— Сам ты романтическая особа, — сказала Лёка. — Мы немедленно едем в ресторан, ты оставляешь там машину, и мы надираемся красным вином. Согласен?

— Н-нет. У меня завтра с утра дела, и я не готов...

— Ты скучная, занудная, старая кляча, — объявила Лёка. Она знала, что он поедет и будет проделывать все, что ей хочется, так было всегда, и ей казалось глупым в этом сомневаться. — Ты даже не знаешь, от чего отказываешься!..

Он и вправду не знал.

По дороге она передумала и велела ему ехать в магазин, а не в ресторан, и он был ей за это благодарен.

Кажется, он даже думал тогда о том, как именно он благодарен, ядовитая колючка-память, впившаяся в сознание, проткнула насквозь твердую и надежную защитную оболочку, и те бывшие, позабытые, утратившиеся эмоции теперь вырывались наружу с тонким, протяжным, тоскливым свистом. Среди этих эмоций совершенно точно была благодарность.

Она не потащила его в ресторан, потому что знала: он ни за что не бросит в центре Москвы свою обожаемую машину, и не станет пить молодое божоле, и в ресторане у них не получится «предчувствия праздника»!..

Они поехали в магазин и купили там несколько темных бутылок, украшенных странными, непривычно яркими затейливыми этикетками — как на пластмассовых йогуртовых бутылочках. Должно быть, молодому божоле полагаются именно такие нелепые этикетки, кто его знает. Еще они купили мяса, сыра и, кажется, ореховый торт, так и оставшийся невостребованным.

Как-то моментально, в два счета, Лёка соорудила ужин: и свечи были, и пузатые бокалы, и они тянули это самое божоле, как воду, и Платон все пытался его нюхать, объявив ей, что точно знает — в вине должны быть букет, аромат, послевкусие и еще «нотки», как же без них!.. Должны быть «нотки» красной смородины, горького ириса, сладкой черешни и немного жгучего перца!

Ничего не вынюхивалось — ни перец, ни че-

решня, ничего!.. Должно быть, он и вправду не понимал в вине.

Потом в голове зашумело, как-то приятно, успокоительно, как будто теплый ветер подул с того самого французского виноградника, где разливали в бутылки молодое вино, и свечи загорелись особенно ярко, и сквозь теплый ветер в голове Платон подумал, что у него на самом деле никогда не было такого праздника, что это только Лёка и могла придумать!.. И еще он подумал, что дело вовсе не в божоле и не в том, что нынче третий четверг ноября, а в том, что им радостно и интересно вместе, как никогда не было поодиночке, и так теперь будет всегда!..

И так на самом деле было целую вечность — до самого апреля.

«Продолжать? — поинтересовалась ядовитая старуха-память. — Или хватит пока?..»

Третий четверг ноября!..

А еще на кофе пригласил и спрашивал, сделав специальный мужественный голос, пойдет ли она!..

Должно быть, память не только отравила сознание, но и что-то сделала с его лицом, потому что астаховская секретарша Маша, едва он вошел в офис, убралась от него за перегородку и оттуда тоненьким голоском спросила, чего Платон Алексеевич желает, чаю или кофе.

— Молодого божоле, — пробормотал Платон Алексеевич. — Ведро и половник. Взболтать, но не перемешивать.